

Сверхъестественное величие

Проповедь

Я чрезвычайно рад тому, что это богослужение дает мне возможность сказать о брате Альберте(1), ведь мне его личность близка особенно, с ним я сжился, следовал за ним стежками его духовных дорог — потрясающих, героических, которыми вел его Бог.

Сегодня о нем знают лишь пожилые и даже очень старые люди, нам же он известен только по рассказам. И невольно возникает опасение, а не исчезнет ли его личность из памяти краковчан и поляков. Случись такое, это стало бы великим несчастьем, огромной утратой, ибо брат Альберт не заслужил того, чтобы его позабыл Краков, позабыла Польша.

Брат Альберт хотел, а точнее хотел того Бог, чтобы его останки покоились тут, в притворе Храма, в его преддверии*, и происходит это в тот момент, когда начался процесс его беатификации.

Надо бы рассказать о его жизни и делах. Но дела его — это как раз и есть его жизнь. Мы помним его повстанцем 1863 года. Само словосочетание «повстанец 1863» сегодня, пожалуй, не вызовет того резонанса, какое оно имело в среде более старшего поколения при виде ветеранов этого знаменитого Январского восстания. Тогда брат Альберт и потерял ногу. Ему ее ампутировали даже не в полевом госпитале, а в какой-то случайной избе. С тех пор и до конца своих дней он оставался калекой, а прожил он 71 год. Удар, что пришлось на молодость, отзывался всю его жизнь. Физические страдания и унижения из-за увечья способствовали тому, что в глубинах его души начался необычный Божий процесс. Бог избрал его орудием Своей благодати. Бог одарил его душу благодатью.

Обратимся к любой из монографий о брате Альберте, которых ныне немало. О нем пишут ученые и лица духовного звания. Сре-

* Ранее мощи Брата Альберта покоились сперва на Раковицком кладбище, после — с 31 мая 1949 г. — в храме босых кармелитов в Кракове, а с 3 августа 1983 г. — в Центральном доме сестёр-альбертинок на ул. Воронича 10 (Краков).

ди них — крупнейший медиевист священник Константы Михальский, нашедший для него особые слова восхищения (2); о. Бернард, попытавшийся, основываясь на его письмах, заглянуть в глубины его души (3). О нем писали и светские люди, не понимая его, как, например, Жеромский (4). Одной из последних писала Мария Виновская, книга которой должна была импонировать Западу, коль скоро она получила литературную премию (5).

Брат Альберт был богатым, он был человек-сокровищница. Раскрывая его жизнь, слой за слоем, мы убеждаемся в том, что он был богатым человеком, богатым от природы, богатство это — юношеская дерзость, скажу больше — героическая отвага. Оно и побудило его в 1863 году безо всяких компромиссов вступить в борьбу с оккупантами (6).

И если мы захотим пойти дальше, чтобы заглянуть в душу брата Альберта — Адама Хмельевского — мы обнаружим в нем художественный талант, позволяющий причислить его к кругу самых избранных. Далее мы увидим его студентом в Мюнхене, наконец, создателем произведений, исполненных особой прелести, тайны и религиозного беспокойства. Написанные им картины, ныне хорошо известные по репродукциям, выдают то его религиозное беспокойство, которое бередило его душу. Но было бы недостаточным задержаться лишь на этих богатствах. Его природное богатство представлялось ему всего лишь материалом, который, полагал брат Альберт, он смог бы употребить по-настоящему только в том случае, если предается Богу. Вот что бередило его душу юноши, а позднее — художника и что нашло выражение в его образах.

Это привело к тому, что он стал всё более сторониться мольберта, избегать полотен, палитры и кисти. Бог повелел Адаму Хмельевскому, чтобы тот не искал к Нему больше окольных путей, раз этот путь искусства его уже не удовлетворял. Бог повелел ему найти более прямой путь. Внутренним давлением благодати, нажимом Он повелел ему всё оставить и вступить в новый период жизни, которой он поначалу даже и не понял. Об этом свидетельствуют фотографии Адама с глазами, полными ужаса и страха, — еще тех времен, когда он сходил в самые бездны своего духовного существования. Тяжелы были эти его переживания, которые автор «Духовнос-

ти» (7) толкует в свете доктрины св. Иоанна Креста. Эти глубины духовной жизни, которые в совершенстве были описаны св. Иоанном Креста, открылись в брате Альберте. И как некогда Мицкевич сказал в «Дзядях» о Конраде Валленроде, так и мы теперь вслед за ним можем повторить о брате Альберте: «Умер Адам Хмелёвский и родился брат Альберт» (8).

То было рождение очень болезненное, и его запечатали глаза на упомянутых снимках «подолских» времён (9). Что в нем совершалось, навсегда останется тайной Божией. Один Бог ведает, как сильно тот отверзся Ему и как глубоко проник Он в его душу. Брат Альберт не сопротивлялся Богу и себя Ему не противопоставлял, а полностью предался Ему. И Бог, за то что брат Альберт был абсолютно открыт пред действием Господа, избрал его средством для реализации Своих замыслов, средством Своей благодати. Он подготовил его к тому, чтобы тот, будучи францисканским «терциарием» (10), как можно глубже проник в бездну человеческого горя, так глубоко, как это не удавалось по отношению к самым обиженным ни одной общественной системе, хвастающейся своей гуманностью. Брат же Альберт глубоко проник в положение этих изгоев — самых обездоленных, оказавшихся «на дне», которым никто не мог помочь не потому, что не хотел, а потому, что не находил с ними общего языка.

Им и посвятил себя брат Альберт, и это была его собственная миссия. Одноногий, он стучал протезом по краковским мостовым, прося милостыню в магазинах, ресторанах, на рыночной площади у лоточниц. Да, милостыню для нищих ради того, чтобы те стали людьми, чтобы пробудить в них сверхъестественную Божию жизнь.

Таков был брат Альберт, вот его истинный облик, вот его истинное величие. Это было величие сверхъестественное, и было это делом Божией благодати. Истинный человек — брат Альберт.

Сегодня нам надлежит вспомнить этого выдающегося поляка, почетного жителя Кракова, и посмотреть на его героическую жизнь. Этот герой был нищим и бродягой по собственному почину, из любви Божией. Наш герой был исполнен смирения, он сам избрал для себя судьбу нищего и бродяги и таким оставался, ибо роль нищего и побирושки соответствовала ему как никакая иная.

Взглянем на человека, который сознавал, что только огромная любовь Бога может стать источником подлинной любви человека и источником подлинного гуманизма.

Никто из нас, по крайней мере, мало кто отважился бы совершить подобный шаг, ибо для этого надо иметь ясный ум, мудрое сердце и неизбывное смирение.

Сейчас идет второй год Великой новенны (11). Этот год является для нас годом благодати. И нам надлежит с особым тщанием всматриваться в дело Божией благодати в народе, а ведь его составляют святые нашей земли, и к ним, без сомнения, принадлежит брат Альберт. Будем же молиться, чтобы он был беатифицирован, ибо он — гордость Кракова, наша легитимация пред Господом.

Боже, Ты за эти более чем тысячу лет стольких святых вознес на Свой Алтарь, чтобы славить их здесь, на земле, и мы радуемся тому, что в польской Церкви и в католичестве последнего столетия был явлен один из тех, кто сумел в совершенстве понять, скажу даже, радикально понять социальные проблемы: в Божественном свете, со сверхъестественной точки зрения.

И потому да будет услышана в нынешний час — с еще большей покорностью и с еще большей настойчивостью — наша горячая просьба о его беатификации, ибо до этого времени была она недостаточно покорной и недостаточно настойчивой, а это значит: мы его еще не поняли. И если дело о его беатификации уже приближается к осуществлению, то это будет нашей общей заслугой. Он является личностью, которая всех нас объединяет в народ, ведь он был поляк, повстанец 1863 года, наша кость от кости, кровь от крови — истинный Поляк!

Тот, кто в Царстве Христовом сыграл столь значительную роль.

Его личность собирает всех нас вокруг идеалов, которым мы призваны верно служить, — вокруг Евангелия. Не будь Евангелия — не было бы и брата Альберта.

Мне хочется, чтобы мы вышли отсюда с чувством глубокого убеждения, что все мы — его братья во Христе — постараемся жить тем, чем жил он, — Евангелием; что Евангелие — это правда живая, правда жизни, и чтобы этому соответствовать, мы будем стараться — в меру наших сил, а не его — жить по Евангелию. И та-

ким образом мы будем стремиться реализовать Царство Божие в душах наших. Аминь.

Комментарии

Проповедь была произнесена Каролом Войтылой 23 ноября 1958 г. во время богослужения в храме босых кармелитов (Краков), совершавшегося по случаю подготовки брата Альберта к беатификации (начатой польской католической Церковью в 1934 г.). Наряду с другими проповедями и выступлениями, посвященными этому святому, она вошла в книгу «Свидетельство предания себя без остатка», изданную сестрами-альбертинками (*Świadectwo oddania bez reszty. Przemówienia, homilie i utwory Karola Wojtyły — kapłana, biskupa, kardynała i papieża o Bracie Albercie — Adamie Chmielowskim.* — Kraków, 1990. — S. 17–20 / Wyd. II, uzup.).

1. Брат Альберт — в миру Адам Хмельёвский (1845–1916) — художник, участник Январского восстания 1863 г. (за национальное освобождение Польши и ее выход из состава Российской империи). Был ранен, остался калекой. Занимался живописью, но, не удовлетворенный художественным творчеством, роздал свое имущество нищим и ушел в монахи, основав из тех, кто оказался на дне и ютился по ночлежкам, монашеские конгрегации альбертинцев (1888) и альбертинок (1891) — так называемых «серых» братьев и сестер (по цвету одежды). Кроме того, он создавал приюты — они существовали во Львове, Тарнуве, Пшемысле, Кельцах и других городах Польши — для детей-сирот, престарелых и неизлечимо больных. Цель своих стараний он формулировал просто и ясно: «Сирого накормить, бездомному дать кров, голому одежду».

Брат Альберт был беатифицирован (провозглашен блаженным) в 1983 г. Канонизирован (причислен к лику святых) в ноябре 1989 г. Речь Папы Римского по случаю его канонизации вошла в это издание.

Личность Адама Хмельёвского оказала огромное влияние на Кароля Войтылу, отчасти его судьба художника, отказавшегося от творчества в пользу служения Богу и через это — людям, содействовала его выбору священнического пути.

Кароль Войтыла посвятил Адаму Хмельёвскому, истории обретения его духовного призвания песю «Брат нашего Бога».

2. Ks. Michalski K. Brat Albert. — Kraków, 1946.
3. O. Smyrak B. Duchowość Brata Alberta. — Kraków, 1938.
4. Речь идет о романе С. Жеромского «Обращение Иуды» (Nawracanie Judasza, 1916). На эту тему см. Staich W. Brat Albert w powieści Żeromskiego // Nasza myśl, N 1 (1932). — S. 35–36.
5. Winowska M. Freere Albert ou la face aux outrages. — Paris, 1953, 1960.
6. Слова священника Кароля Войтылы об оккупантах, произнесенные в 1958 г., звучали более чем смело — все понимали, что речь шла не только о Российской империи. Но не следует искать здесь подтекстов: К. Войтыла всегда и во всём преследовал лишь верность исторической правде.
7. См. сноску 3.
8. Адам Мицкевич. «Дзяды». Часть III: D.O.M. GUSTAVUS OBIIT MDCCCXXIII CALENDIS NOVEMBRIS. HIS NATUS EST CONRADUS MDCCCXXIII CALENDIS NOVEMBRIS. D.O.M. переводится как: «Богу наилучшему, наивысшему». И далее: «Густав умер 1823 года 1 ноября — Здесь родился Конрад 1823 года 1 ноября». Надпись, сделанная главным героем поэмы — Густавом, — заявляет о перемене, что произошла в нем самом, — отказ от исключительно личных переживаний и обращение к страданиям своего народа и страны.
9. Во время подобных состояний Адам Хмельёвский периодически жил в Подоле у сестры Марыли, что, в частности, запечатлено в пьесе «Брат нашего Бога». Здесь окончательно сложилось его желание посвятить себя бездомным.
10. Терциарий — член Третьего ордена мирян, действующего при некоторых католических монашеских орденах. В данном случае имеется в виду Третий орден францисканцев, основанный Франциском Ассизским.
11. Новенна — католическая молитва, которая читается в течение девяти дней.

Перевод и комментарии Е.С. Твердисловой

Торжество Успения Пресвятой Богородицы

Проповедь

Мои дорогие!

Сегодняшнее торжество Пресвятой Богородицы (1) побуждает нас к размышлениям. Давайте вместе с вами подумаем о проблеме, которая глубоко волнует каждого. Проблема эта — развитие. Процесс становления человека, эволюция человечества, развитие как таковое превратились чуть ли не в повсеместный призыв, который разносится повсюду. И всякий охотно разделяет это воззвание, все — за то, чтобы человечество развивалось, двигалось вперед и чтобы сам человек при этом мог вносить в этот процесс свою положительную лепту.

Однако поскольку речь зашла о развитии человека и человечества, то здесь надо сразу как бы развести понятия, которые составляют поставленную нами проблему, в разные стороны. Прежде всего мы имеем в виду следующее: человек и главным образом людская семья, человечество, отдельные общества развиваются в направлении, так сказать, горизонтальном. Подобного рода горизонтальная линия развития человека параллельна движению истории, которая в отмеченном нами типе развития всегда оставляет свой след. На протяжении не одного года, а целых десятилетий и даже столетий — по мере исторического движения — человек в этом развитии вроде бы уходит вперед всё дальше и дальше.

И случись нам сейчас вдруг переместиться на сто лет назад, человек из прошлого поразился бы тому уровню, на котором мы сегодня находимся. Мы, люди второй половины XX века, уже на самом его завершении стали свидетелями неслыханных достижений. Это — настоящий успех, причем он касается не только нашей планеты, но и других небесных тел, распространяется за пределы земного шара, — нога человека ступила на Луну. А научная мысль уже летит дальше, и разрабатываются новые перспективы — последующих достижений, подобных ему. Мы много об этом читаем и слы-

шим и еще больше, наверное, на эту тему размышляем. И всё же такое развитие — по горизонтальному, как я обозначил, направлению — отдаляет человека от предыдущих периодов, событий прошлого, исторических эпох.

Это развитие по так называемой горизонтальной линии, которое вроде бы постоянно толкает человека вперед, в то же время несет в себе неизбежность смерти. Человек, развиваясь в означенном направлении, больше, пожалуй, работает на окружающую его действительность, что находится вне его, то есть на мир, способствуя прогрессу техники и цивилизации.

Разумеется, всё это тоже входит в понятие человеческого развития. С годами человек всё больше и всё активнее становится хозяином созданного им. Однако данная линия развития, которая в то же время отрывает человека от его прошлого и, словно отодвигая от него, ориентирует исключительно на будущее, неспособна ни в одном человеке, ни даже в целом поколении, ни тем более в пределах всего человечества преодолеть смерть. Вот почему я только что подчеркнул, что эта линия развития человечества отмечена знаком смерти.

Человек движется вперед и меняет мир, в котором живет, но при этом он не в состоянии избежать собственной смерти. Он развивается на отрезке жизни, который ему отпущен, а потом уходит в мир иной. Так ушли великие люди, гении человечества, те, кто это горизонтальное развитие мощно двинул вперед, кто раз и навсегда вписан в анналы человеческой культуры и цивилизации.

От этого развития человека и человечества — горизонтального, как я его уже назвал, — следует отличать другое направление, которое я определяю как «вертикальное» (2). Это совершенно иное движение и другое развитие. Прежде всего в этой — вертикальной — устремленности существен сам человек. И в этом направлении одинаково важен каждый человек, без исключения! Если в первом случае эволюционирует человечество за счет всё новых достижений в области цивилизации и культуры, будь то материальная или духовная, то во втором — вертикальном — случае может и должен развиваться человек как таковой: любой. Вы, конечно, догадываетесь и отлично понимаете, что вертикальное направление развития чело-

века — а через него и всего человечества — подразумевает движение к Богу.

Вертикальное направление связано с глубоко духовной реальностью каждого. У человека глубинна его суть, он существо величайшего объема. И потому он способен не только к отвлеченному познанию Бога, но и к приятию этого Бога как Дара. Вертикальное развитие человека — это развитие к Богу, и оно основано на том, что дает человеку Бог способом сверхъестественным: таинственным, внутренним, не поддающимся историческому измерению. Не случайно ведь говорят об «истории души»: историю своей души запечатлела нам св. Тереза Младенца Иисуса.

И каждый из нас тоже мог бы написать историю своей души. Но в подобном изложении действительность вертикального развития человека к Богу, восприятие Бога глубинами нашей людской души и взаимного, по-настоящему полного предания души человеческой, всего человека целиком, Богу — всё тогда утрачивает категорию меры, становится именно неизмеримым.

Вертикальное развитие в направлении к Богу — глубоко внутреннее. И главный его признак — человек не подлежит смерти. Развиваясь к Богу, он развивается внутренне и все же остается в масштабах временного бытия. Идя навстречу Богу, человек, будучи смертным, по-прежнему подвержен закону преходящести. Но вместе с тем в самом естестве этого внутреннего развития в направлении к Богу, единения с Ним есть нечто такое, что преодолевает смерть. Разумеется, мы бы ничего не знали об этом вертикальном развитии человека, во всяком случае, знали бы гораздо меньше, чем знаем теперь, не будь Христа, когда бы не Его Воскресение и не Евангелие. Воскресение Христа — необыкновенное свидетельство того, что это развитие — внутреннего и духовного человека к Богу — переступает порог смерти. И что его конечный смысл — в бессмертии человека, в вечности.

На фоне внутреннего — и вертикального — развития человека мы можем лучше понять и сегодняшний праздник Взятия на Небо Богородицы. Торжество этого события по-своему объясняет нам и данную линию развития. Ибо мы отлично сознаем, что это восхождение на небо имеет значение не только физическое, несмотря

на то, что верим: Богоматерь была взята на Небо с душой и телом. Ибо восхождение это прежде всего имеет значение внутреннее, духовное. Дева Мария, в итоге, созрела до единения с Богом, до того, что Ее брэнность земная исчезла, уступив место вечности, а точнее — Ее участию в вечности с Богом.

Можно даже сказать, что Успение Богоматери является и новым Ее рождением (3). Не менее торжественно мы отмечаем другую дату — 8-е сентября, Рождество Пресвятой Девы Марии, начало Ее земной жизни. Но Успение — совсем иное рождение: духовное, сверхъестественное. И Церковь чтит прежде всего его.

Праздник Успения — один из самых древних и великих, связанных с Богоматерью от самых истоков христианства, в нем-то и нашла воплощение вертикальная направленность развития человека — к Богу. Матерь Божия дает этому Свое удивительное свидетельство, по-особому участвуя в таинстве Воскресения Христа, в таинстве благодати и сверхъестественного призвания. И мы воспринимаем это таинство не просто как то, что имеет отношение к Ней лично, но и к нам тоже. Мы потому еще чтим Успение Матери Божией, что оно затрагивает в каждом из нас нечто особенное, труднообъяснимое. Касается чего-то очень глубинного.

Хорошо видно, как движется вперед и прогрессирует в человеческих деяниях горизонтальное направление — в этом развитии мы принимаем самое деятельное участие. И даже находятся глашатаи, которые изрекают его исключительность: человек якобы и должен развиваться лишь в таком направлении, человечеству только таким путем и необходимо двигаться дальше. Но мы прекрасно знаем и отдаем себе в том отчет, что если бы эта линия человеческого прогресса была на самом деле единственной, для человека это означало бы его окончательное поражение, то есть смерть. Она зачеркнула бы жизнь каждого из нас. Подобному, в конце концов, и учит материализм. Нет, это — зловещая доктрина: ее наставления в итоге сводятся к одной-единственной истине — всё смертно.

Тогда как Христос, а также Матерь Его и Церковь учат человека конечной правде о вечной жизни: развитию, которое берет свое начало в глубинах людского естества и в котором всякий человек по-

добен Богу, каждый как личность — уникален и неповторим, и он встречается с Богом. С Ним он связывает свою жизнь и судьбу. Дозревает до Бога, чтобы соединиться с Ним окончательно — в вечности.

Вот, что дает нам почувствовать выразительный язык нашей веры. И таковым же является смысл сегодняшнего праздника — особого и убедительного. Мы ощущаем, как этот лучезарный День Матери Бога проходит как бы сквозь душу каждого из нас: он — торжество нашего внутреннего призвания. Данный праздник — и подчеркну это — весь насквозь пропитан значимостью гуманистической! Ибо он утверждает величие человека! В нем обозначены истинно конечные перспективы: величия в соединении с Богом. Вот еще почему Богородица таинством своего восхождения на Небо дает удивительное свидетельство величия человека. Мы осознаем это свидетельство, постигаем его и делаем своим.

Мои дорогие Братья и Сестры, мы собрались сегодня в этот праздничный день в Мариацкой базилике, которая является главным храмом, святая святых всех краковских церквей и соборов Девы Марии (4). Мы стоим перед шедевром Вита Ствоша и в гениальном его творении — алтаре — находим и узнаём свидетельство нашей веры: веры в жизнь вечную, воскресение человеческого тела, сверхъестественное призвание каждого из нас.

Мы страстно желаем, чтобы это свидетельство было и нашим участием, чтобы не оставляло оно нас в трудах праведных и обыденных, посреди тех обстоятельств, которым доступна одна лишь бренность — преходящность. Мы все каким-то образом, и при этом каждый по-своему, работаем на горизонтальное развитие человека и человечества, но ни одному из нас не удастся себя реализовать, если он останется исключительно в масштабах этого измерения. Всякий из нас должен поддерживать в себе и углублять страстное стремление к бессмертию — ко встрече с Богом! Единению с Ним!

А Матерь Благая, Которая это желание носила в Своей душе — как ни один человек на свете — и встретила с Богом, уже здесь, на земле, — как ни один человек на свете, — и соединилась с Ним на Небе, — как ни один человек на свете: Пресвятая Приснодева Мария, да поможет нам в этом — каждому из нас. Всем возрастам. Лю-

дям верующим, равно как и испытывающим в вере некоторые трудности, от веры отошедшим. Тем, чья жизнь еще только начинается, и тем, кто уже из этого мира уходит. Всем. Да поможет нам Мать Избавителя неустанно желать этого и стремиться к этому: ко встрече с Богом — и в жизни, и в вечности. И в вечности с Ним соединиться. Аминь.

Комментарии

Проповедь была прочитана в Мариацком костёле в Кракове 15 августа 1969 г. Перевод сделан по изданию: Kard. Wojtyła K. Kazania 1962–1978. — Kraków, 1980. — S. 100–104.

1. Успение Пресвятой Богородицы (15/28 августа) — это Материнское предстательство за весь мир, не страх смерти, а радость пробуждения к новой, вечной жизни на Небе. Об Успении Пресвятой Богородицы, или о Взятии Богоматери на Небо и душой, и телом, Католической Церковью принят специальный догмат (1950). В Православной Церкви под Успением Пресвятой Богородицы понимается разлучение души Девы Марии с Ее телом. После разлучения происходит чудесное воссоединение, и воскресшее тело уходит в другой мир. В византийско-русской и отчасти западной иконографии Успения Христос принимает на Свои руки маленькую и хрупкую душу Марии, родившейся в новую жизнь.

Вот как пишет об этом празднике о. Александр Мень: «Наиболее ранний апокриф, повествующий об Успении, написан от лица Иоанна Богослова. Некоторые историки датируют его V веком, но большинство относит на полтора века позднее. Иерусалимский патриарх Модест (начало VII века) уже знал сказание о том, что проводить Пречистую в последний путь собрались все двенадцать апостолов. Святитель исповедует веру в Ее целокупное бессмертие, наступившее до всеобщего воскресения. «Всеславная Матерь Начальника жизни и бессмертия, Христа Спасителя нашего Бога, — говорит он, — Им оживляется, чтобы телесно разделить вечную нетленность с Тем, Кто вывел Ее из гроба и принял Ее к Себе образом, который известен Ему одному». Поэтому кончину Богоматери окружает не печаль, а радость».

Успению посвящены многие русские соборы. О почитании Девы Марии в раннехристианскую эпоху свидетельствуют фрески в катакомбах и надпись в одной из назаретских церквей II века.

2. Не ставя перед собой цели выявить и проинтерпретировать идеи и образы, сходные у К. Войтылы (и Папы Римского Иоанна Павла II) с русской богословской, философской и художественной мыслью, поскольку считаем это те-

мой особой и очень важной, мы, тем не менее, не можем не отметить известную работу Е.Н. Трубецкого «Смысл жизни», в которой он оперирует аналогичными понятиями — «горизонтальной» и «вертикальной» линиями жизни. Вот что он под этим подразумевает: «Цель всякого жизненного стремления есть полнота жизни вечной, неумирающей; именно эта полнота, к которой стремится всякая жизнь, есть предмет всякого религиозного искания, его *terminus ad quem*. Его исходная точка — *terminus a quo* — есть, напротив, мир, лишенный этой полноты, а потому стремящийся к ней, ищущий, страждущий и умирающий. Задача религиозного сознания, стало быть, именно в том и заключается, чтобы найти точку объединения этих двух начал — той вечной полноты жизни, которая составляет искомое всего живущего, и той страждущей твари, которая ищет. Во всех религиях эта задача так или иначе ставится: искание вечной жизни — их общий мотив; но только лишь религия религий — христианство — находит искомое, достигает этой цели. Оно одно утверждает грядущее, полное объединение обоих начал — божественной полноты и мира стремящейся, страждущей твари». «Христианство, — поясняет он далее, — единственная из этих религий, в которой ни Божеское не поглощает человеческого, ни человеческое — Божеского, а то и другое естество, не превращаясь в другое, пребывает во всей своей полноте и целостности в соединении». Из этого положения он делает следующий вывод: «Раз сочетались в мире два начала — Бог стал человеком и понес его крестную муку, а человек стал сыном Божиим, — тем самым весь мир осенен животворящим крестом, оба жизненных пути его наполнились смыслом — и путь горизонтальный, в пределах земного плана, и путь вертикальный — подъем в высший план». «Ни одна из двух линий жизни, — уточняет он свою мысль, — не может быть оправдана в своей отдельности, и что только в скрещении той и другой может быть найдено оправдание жизни в ее целом. Торжество всеединого смысла над бессмыслицей может обнаружиться не иначе как через полное упразднение грани между потусторонним и посюсторонним. Это и есть то самое, что совершилось на кресте». И вот главное резюме не только книги, а и в целом всей богословской мысли Е.Н. Трубецкого: «Крест стал животворящим», он соединил в себе обе линии и стал их оправданием. «Оправдание горизонтальной линии жизни заключается в мысли о грядущей новой земле, полной абсолютного, духовного содержания и смысла; эта плоскостная, здешняя жизнь оправдывается лишь постольку, поскольку она поднимается в другой план и в нем преобразуется. Значит, тут горизонтальная линия оправдывается не сама по себе в своей отдельности взятая, а в сочетании с линией вертикальной. Только в объединении и скрещении обеих линий может быть найдено оправдание как той, так и другой. Это подтверждается и всеми данными нашего опыта о вертикальном жизненном пути» (Трубецкой Е.Н. Избранное. — М., 1995. — С. 65–81).

3. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы по православному календарю отмечается 8/21 сентября.

4. Знаменитый во всем мире Марицкий костёл, а точнее храм Пресвятой Де-

Иоанн Павел II

вы Марии, — гордость Кракова, величественный памятник готической архитектуры, построен в начале XIV в. С ним связано множество легенд. В том числе и о соперничестве братьев-архитекторов, один из которых, убив другого, не выдержал содеянного и бросился вниз с высокой (но недостроенной еще им) башни. А самая высокая стала сторожевой — смотровой точкой. И по сей день эта башня хранит традицию возвещать о пожаре или приближающемся враге, трубя сигнал «хейнал»: сегодня он звучит отсюда каждый час.

Перевод и комментарии Е.С. Твердисловой

Проповедь в Торжество святого Иосифа

«И он поставил его над домом своим»(1).

Вот какими словами обозначила Церковь миссию св. Иосифа.

Миссия, принятая им из рук Бога во имя дела Спасения, сыграла величайшую роль в истории Церкви и мира.

«И он поставил его над домом своим».

Мы хорошо знаем, как старался Иосиф создать этот дом: для своего Господа — Сына Божьего, рожденного его Супругой, Марией, при исхождении Святого Духа.

Нам не забыть событий той Вифлеемской ночи; достаточно того, что в момент пришествия в мир Христа для Него не нашлось даже места на постоялом дворе.

Можно только догадываться о переживаниях Иосифа, которого Господь назначил хозяином Своего дома.

Но полученный им от Господа наказ — создавать дом Сыну Божьему — и в последующем был сопряжен с препятствиями и опасностями.

А его вынужденное бегство вместе с Женой и Ее Младенцем — Божиим Сыном, чтобы скрыться в Египте от мести Ирода?!

Лишь два года спустя, после смерти преследователя, он вернулся на родину.

С тех пор жизнь его протекала в Назарете, где Иосиф и создал наконец тот самый дом, о котором напоминает нам сегодняшнее богослужение: «И он поставил его над домом своим».

Дом, наверное, был простой и скромный, исполненный труда и молитвы, — типичное жилище ремесленника, обычного плотника. Ведь именно этой работе посвятил себя названный отец Сына Божия.

Дом, в котором более тридцати лет стерегли тайну Воплощенного Слова.

И у тайны был облик человека.

Нам почти неведом этот тридцатилетний период сокрытой жизни Господа Иисуса под крылом приемного отца Иосифа, окруженного заботливой опекой Матери — Девы Марии.

Но мы легко можем представить себе тайну, заполнявшую собой дом и жизнь: вдали от посторонних глаз всё шло своим чередом.

Так св. Иосиф исполнил свою миссию, возложенную на него Отцом Небесным в земной жизни Сына Божьего.

«И он поставил его над домом своим».

Здесь, на земле, Иосифом был создан дом, который был нужен Сыну Божьему.

Да, у Сына Божьего, Иисуса Христа, был дом — дом Иосифа — до того времени, пока Он не начал распространять Свое учение и выступать перед собиравшимися вокруг Него людьми. Это уже потом Господь Иисус скажет о Себе: «Лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда, а сын Человеческий не имеет, где приклонить голову»(2). Но до тридцати лет, еще не покинув Назарет, Он жил в Своем доме.

И создал его Ему Иосиф.

Вот почему Церковь чтит св. Иосифа.

В нем она видит пример, которому должны следовать все мужчины и отцы, ибо их главная задача — возводить дом, строить семейный очаг.

Именно сюда — в семью — войдет новый человек, появившийся на свет ребенок, желанный и ожидаемый мужем и женой.

Дом необходим родителям, но не меньше нуждаются в нем дети. Внешне он являет собой образ той общности, которую созидает семейство.

Но дом — не просто жилище, то есть помещение, где люди живут, он еще и атмосфера, которая в нем возникает и создается, — в пространстве, ограниченном четырьмя стенами, в течение всего времени пребывания человека на земле, там, где у него имеется ра-

бота, возможность для встреч, где он радуется и огорчается. Всё это вместе и есть дом.

Великое поручение человеку!

Особенно важно оно в наши дни, зараженные непростой болезнью: рушатся дома, разбиваются семьи. В это трудное для всех нас время св. Иосиф может стать своеобразным покровителем нашего дома.

Мы видели, с каким тщанием строил он собственный дом, над которым его поставил главой Отец Небесный.

Однако строительство дома и сегодня не назовешь легким делом, впрочем, речь идет не столько о жилье, необходимом молодым супругам, уже сложившимся семьям и просто людям, о чем мы больше судим по прессе.

Нет, имеется в виду дом, который включал бы в свое понятие атмосферу, дружбу, сплоченность, чувство локтя.

Недуг нашего времени и нашего общества в том, что у нас подобного дома нет.

Пусть же слова, с какими Церковь обращается к св. Иосифу: «И он поставил его над домом своим», — станут непрерывной молитвой — семейной, отцовской, материнской, детской... Всеобщей.

И пусть дом станет опорой человеку, ведь дом был и неким оплотом Сыну Божьему. Не случайно Иисус Христос сумел, никому не ведомый, прожить в таком доме тридцать лет. Идею о доме Он захотел и нам передать: дом — это поддержка и главная сила человека; а значит, бездомный обделен основным человеческим назначением, каким людей одаривает жизнь, — любовью супругов, любовью родителей и любовью детей.

Сегодня, в день св. Иосифа, помолимся за все польские дома.

Пусть они не разрушаются и способствуют всеобщей нашей консолидации: рухну польский дом, и нам не помогут никакие технические достижения, в скольких бы цифрах они ни выражались, ибо не человек — для производства, а производство — для человека.

Св. Иосиф был человеком труда.

Но с его миссией установился совершенно другой обычай: устремлять труд на возведение дома, домостроительство.

Господь Бог наказал ему возглавить Свой дом.

Вот и нам надо сделать так, чтобы вся работа, которая ныне делается в Польше, была направлена на служение прежде всего польскому дому.

«И он поставил его над домом своим».

У дома множество значений. Говоря «Божий Дом», мы имеем в виду Церковь, но не только в смысле сакральности, которую ощущаешь сразу же, как только в нее входишь.

Нет, мы еще подразумеваем семью Божию, ибо дом — это и община.

Произнося «Божий Дом», мы полагаем Божие Царство.

Слуга Божий Иоанн XXIII (3) особо подчеркивал, что св. Иосиф — покровитель всей Церкви. Так считали и его предшественники, оставившие свои свидетельства.

Эта мысль есть и в Евангелии.

Св. Иосиф — хозяин Божьего Дома, великого дома всех исповедующих Иисуса Христа, Его сестер и братьев, которые составляют многочисленную общину.

И в ней все они собираются вокруг одного Отца, Отца Невидимого, Который на Небесах.

Сегодня мы вверяем Богу судьбу Церкви и ее иерархов — как нашей Отчизны, так и всего мира.

Этот Божий Дом Христовой Церкви пережил и переживет еще не единожды потрясения, гонения... Опыт его неоднозначен. Тем более нуждается он во внутренних силах — для упрочения своей целостности в вере, любви и надежде. Ибо, когда ополчаются против Церкви, лишают человека надежды. Поэтому надо, чтобы Церковь, при всех превратностях судьбы, оставалась символом надежды — для человека и для всего рода человеческого.

Вверяя сегодня св. Иосифу всю Церковь Божию, семью Божию,

всех живущих на целом свете, мы молимся, дабы Церковь по-прежнему оставалась для нас знаком надежды — для каждого из нас и для времени, в котором мы живем.

Для будущего.

Аминь.

Комментарии

Проповедь была произнесена в Кракове в соборе Св. Иосифа 19 марта 1978 г. Перевод сделан по изданию: Kard. Wojtyła K. Kazania 1962–1978. — Kraków, 1980. — S. 37–40.

¹ И он поставил его над домом своим.. — цитата из текста Библии о праведном Иосифе, сыне Иакова и Рахили, который стал жертвой зависти братьев, был брошен ими в глубокий колодезь, откуда был спасен караваном купцов-измаильтян, направлявшихся в Египет, которым и был продан: «Иосиф же отведен был в Египет; и купил его из рук Измаильтян, приведших его туда, Египтянин Потифар, царедворец фараонов, начальник телохранителей. И был Господь с Иосифом: он был успешен в делах и жил в доме господина своего, Египтянина. И увидел господин его, что Господь с ним и что всему, что он делает, Господь в руках его дает успех. И снискал Иосиф благоволение в очах его и служил ему. И он поставил его над домом своим, и все, что имел, отдал на руки его» (Быт 39, 1–4).

² Мф 8, 20.

³ Папа Римский Иоанн XXIII — 1958–1963. При нем был начат II Ватиканский Собор (1962), способствовавший кардинальным изменениям не только внутри католичества, но и духовной ориентации и жизни Европы в целом. В память о его деятельности и продолжая ее, нынешний глава Католической Церкви в своем имени соединил имена двух непосредственных своих предшественников — в том числе Иоанна XXIII, а также Павла VI и Иоанна Павла II.

Перевод и комментарии Е.С. Твердисловой

Проповедь в Торжество Святейшего Сердца Иисуса

Все мы хорошо помним слова Адама Мицкевича: «Сердце имей — и в сердце смотри ты!» (1). Они — не из Священного Писания. Их сочинил поэт — и великий поэт! А когда писал их, стремился прежде всего запечатлеть перемены, что свершались в умах его современников и находили свое выражение в литературе и в целом в культуре, в атмосфере которой он находился. Отказ от того, что было им названо «стеклом и глазом старца» (2), и стало проявлением тех именно перемен.

Включать эти слова Мицкевича в богословие Божьего Сердца, разумеется, никак нельзя. Но мы вправе использовать их в качестве своего рода введения в это направление богословия. Весь наш прогресс, наши воззрения, представления о мире и размышления, а также связанные с ними вопросы человеческого бытия — всё вместе составляет своеобразное введение к Богопознанию.

Но кроме того, это для нас еще и определенное высказывание, которое помогает нам, вроде герменевтического приема, как можно глубже постичь истину Откровения и смысл богословия Божьего Сердца.

Ибо, в сущности, примем ли мы за точку отсчета сегодняшние библейские чтения или любой другой отрывок из Священного Писания, где звучит истина о Сердце Иисуса, мы во всех этих текстах обнаружим именно тот призыв, что в свое время был точно так же сформулирован Мицкевичем: «Сердце имей и в сердце смотри ты!» Может даже, «смотри в сердце» во всех этих религиозных источниках и отрывках из Священного Писания стоит на первом плане [...].

Иисус Христос — вот главный источник познания Бога в Его внутренней жизни, в Его Любви. И если к Богу «применить» наши человеческие категории, можно смело сказать, что это Он «помогает» нам и «позволяет» смотреть в Сердце Бога. Конечно, этот наш взгляд — в Сердце Бога — прежде всего остановится на сердце человеческом: Сердце Человека Иисуса Христа, который был Богом. Мы

увидим здесь тайну Бога и увидим Его Любовь, сосредоточившуюся в людском Сердце. Всё, что нам хотел сказать Бог о Себе и Своей Любви, всё это Он каким-то образом вместил в Свое Сердце и поведал через Него. Глядя в Сердце Христа, мы зрим Сердце Бога.

Но Иисус Христос предлагает нам сначала заглянуть в Его Сердце, Сердце Бога, для того, чтобы мы могли смотреть в наши сердца, человеческие, увидеть людское сердце сквозь Сердце Бога, сквозь Сердце Иисуса. И это «вглядывание» в наше людское сердце, сердце человека, сквозь Сердце Христово и является сутью богословия Божьего Сердца, а в особенности — того поклонения, почитания и благоговения, которым окружено Сердце Божие и из которого родились (и продолжают рождаться) за время нашей истории различные типы набожности и благочестия, а также разного рода монашеские ордена и братства.

Это еще и возгласение великой правды о человеке: его чувстве собственного достоинства, величии и призвании, благодаря чему он может безбоязненно глядеть в свое истинно человеческое начало, в свое людское сердце — сквозь Сердце Божие, сквозь извечный замысел Отца, как напоминает нам о том сегодняшняя Литургия: через Любовь, Которая выразила себя во времени, хоть Она и является вечной, и выразила именно в Сердце Иисуса Христа. Человек может через это Божие Сердце глядеть на себя, свою человеческую сущность, внутренний мир.

Христос не раз обращал внимание своих учеников на сердце человеческое. Например: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф 5, 8). Или говорил так: «Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдите покой душам вашим» (Мф 11, 29), при этом Он выразительно подчеркивал связь, которая существует между Сердцем Бога и сердцем человеческим, а точнее, Сердцем Бога-Человека и сердцем человека. И говорил еще, что всё исходит из людского сердца: и помыслы — как злые, так и добрые, — и намерения, и поступки — всё из сердца внутреннего (3).

Тайна Божьего Сердца — это в то же самое время и великая правда об этом внутреннем человеке, грандиозный вызов внутреннего человека, адресованный человеческому сердцу. Человек дол-

жен смотреть в свое нутро — и должен смотреть в свое сердце, как сказал наш великий Мицкевич, в этом — истинная ценность человека. Он существо не только во внешнем, но и во внутреннем мире, а что у него внутри, то и в сердце его, и это более, чем что-либо, определяет его человеческую суть, его чувство собственного достоинства, значимость, святость.

Итак, мы видим, что богословие Божьего Сердца — одновременно с тем и некий устав жизни. Он древний, как христианство. Богословие Божьего Сердца — это и определенное жизненное кредо верующего человека. И если нынешнее торжество обязывает нас и призывает сегодня к чему-то особенному, так это именно к тому, чтобы мы увидели в этом уставе богословия Божьего Сердца устав нашей христианской жизни.

А это значит, что мы должны ответить на следующие основополагающие вопросы: смотрю ли я в свое собственное сердце и знакома ли мне тайна Предвечной Любви, что воплотилась и осуществилась в отношении всех и каждого, в том числе и в отношении меня? Далее, что заключено в моем сердце? И как выглядит он, этот внутренний человек, который есть я? Наконец, являюсь ли я тем человеком внутренним? Или во мне сохранился только один его внешний облик — всего лишь его фасад?

Сердце Божие взывает и обращается к человеку внутреннему. Очевидно, в основе вероучения Божьего Сердца лежит то первое слово, которое мы находим в балладе Мицкевича: «Сердце имей!» В данном случае речь идет не столько о научном подходе или каком-то ракурсе познания. Богословие Божьего Сердца и в особенности его установки христианской жизни — это не просто средство познания или право на созерцание Бога и самого себя. Это главным образом программа действия: «Имей сердце». Ведь у Христа было сначала Сердце. И то, что нам оставило о Нем Евангелие, можно выразить одной лишь краткой фразой: «Прежде всего у Него было Сердце!» И если вдруг у нас возникнет настоятельная потребность постичь действие Этого Сердца, познать Его, так сказать, «реакции», то это будет означать именно желание разглядеть, что же это такое — «иметь сердце», чтобы это Сердце Христа — То, Которое было у Него, — замещать, хотя и не очень умело, своим собственным.

Сердце иметь надо! — вот к чему призывает нас тайна Божьего Сердца, особенно в день Его торжества. И мы страстно просим за наших современников и за каждого из присутствующих, за самих себя и всех вместе, чтобы правда, заключенная в сегодняшнем празднике, для объяснения сути которой может послужить лаконичное: «Сердце имей и в сердце смотри ты!» — прозвучала еще правдивее и еще точнее в нынешней ситуации, когда нам угрожает бессердечие, утрата сердца, а следовательно, и внутреннего человека, того, кто живет в измерении Любви Божьей. Любви, идущей от Бога! Любви, через которую Бог отдает Себя миру, но прежде всего — человеку.

Мы просим об этом для себя и для всех наших братьев и сестер в сегодняшнем мире, с которыми нас объединяет Святая Церковь. Аминь.

Комментарии

Проповедь была произнесена в Кракове в храме католического монашеского ордена, посвященного Сердцу Иисуса, 17 июня 1978 г.

Перевод сделан по изданию: Kard. Wojtyła K. Kazania 1962–1978. — Kraków, 1980. — S. 71–74.

1. «Сердце имей — и в сердце смотри ты!» — заключительная строка баллады А. Мицкевича «Романтика», вошедшая в первый том его поэтических сочинений, изданных в Вильно в 1922 г. Эти слова стали своеобразным лозунгом польского романтизма. Баллада знаменита направленностью против сторонников жесткого рационализма, высмеивает позицию классицистов, их рационально-абстрактные понятия.

2. Под мудрецом, или старцем, подразумевается Ян Снядецкий (1756–1830) — сторонник классицизма, выступивший в «Виленском дневнике» (1819) со статьей против романтизма и тех, кто «бунтует против ума и науки»¹.

«Слушайте! — старец взывает и сразу
Поносит толпу обидно: —
Поверьте стеклам моим и глазу —
Никого тут вокруг не видно!»
(перевод П. Карабана).

Иоанн Павел II

3. Понятие о «внутреннем человеке» в категориях личности, субъекта и *suppositum* Папа Римский научно обосновал и всесторонне рассмотрел в работе «Личность и поступок», а также в статье «О гуманизме св. Иоанна Креста».

Перевод и комментарии Е.С. Твердисловой

Речь на аудиенции, данной Иоанном Павлом II полякам в день канонизации св. брата Альберта

1. После канонизации мы собрались здесь вместе с польскими паломниками, прибывшими сюда из Польши и других стран, чтобы еще раз осмыслить значение события, которое произошло сегодня. Сердечно всех приветствую и поздравляю в этом нашем общем и странноприимном доме.

Особо приветствую Их Высокопреосвященства кардинала Примаса Стефана Вышинского и кардинала митрополита Краковского Франтишека Махарского, кардинала Анджея Дескура, собратьев-архиереев, священников, представителей мужских и женских монашеских общин и прежде всего духовных сынов и дочерей святого брата Альберта. Мне хотелось бы обратиться со своим приветствием и к тем гостям — деятелям государственной власти и правительства, которые прибыли на эту канонизацию в составе делегации.

Пожалуй, подобная канонизация совершена впервые: к лику святых причислили дочь чешского народа Агнессу Пражскую (1) и сына Польши Адама Хмелёвского. И пусть двое этих святых принадлежат к разным историческим эпохам, тем не менее они свидетельствуют о том, что наши народы объединяет не только славянское братство и непосредственное соседство, но прежде всего путь, каким к нам пришло христианство.

Нам нельзя забывать, что христианство мы приняли во времена Мешко (2) от наших южнославянских соседей, подтверждением чему уже впоследствии, при Болеславе Храбром (3), стал мученический подвиг святого Войцеха (4).

И сегодня, вспоминая об этой общности в нашей истории, мы вместе с народом и Церковью Чехословакии радуемся канонизации святой Агнессы Пражской из Ордена Кларисс — той самой канонизации, которой так давно ждали и которая получает особый смысл именно теперь, поскольку в грядущем десятилетии Церковь Чехо-

словакии готовится отметить тысячелетие мученической смерти святого Войцеха.

2. Адам Хмелёвский (брат Альберт) жил во времена куда более близкие — в нашем столетии. Родившись в 1845 году, он принял участие в восстании 1863 года и ушел из жизни в самое Рождество 1916 года. Он является свидетелем и участником великой исторической борьбы поляков за свою независимость.

Вот что писал об этом выдающийся Константин Михальский: «Брат Альберт знал, что значит «душу свою отдать», и знал он это из Евангелия Иисуса Христа» (5).

Знал еще тогда, когда семнадцатилетним студентом Сельскохозяйственной школы в Пулавах (6) принял участие в восстании, откуда вернулся калекой. И тогда, когда спустя несколько лет, исполненных поиска Бога, он посвятил себя художественному творчеству. И, наконец, знал об этом, уже став братом Альбертом, братом краковских «отверженных» (7), когда по примеру святого Франциска также в полной мере возлюбил евангельскую нищету и стал апостолом своего времени.

А может быть, и нынешнего тоже?

3. Наша сегодняшняя встреча проходит на следующий день после 11 ноября. В этот день для нас началась новая история — независимой Польши — и был положен конец длительному периоду ее разделов (8).

Брат Альберт не дождался того дня, ради которого жили, боролись, трудились и страдали целые поколения сыновей и дочерей нашего народа. Но он стоял у истоков этой борьбы за свободу Отчизны. И подтверждением тому — не одно только увечье, полученное им во время восстания. Подтверждением тому — вся его последующая деятельность, а в особенности — его долгое уже францисканское служение людям, которые находились не просто на самой низшей ступени общества, но прямо-таки на «дне его». Видимо, в таком положении они оказались по собственной вине, из-за своих грехов, пороков и дурных наклонностей, хотя в то же время их ситуация свидетельствовала об изъянах и недостатках самого общества, в котором они жили. Их положение было подлинно нравственным вызовом, которого никто не хотел принять.

А брат Альберт его принял.

4. О чем же говорит нам его канонизация сегодня, в ноябре 1989 года? Он — третий из польских святых, канонизированных в нынешнем столетии. Первым был Андрей Боболя (9), причисленный к лику святых накануне страшного испытания Второй мировой войны. Он был мучеником величия и в то же время упадка Речи Посполитой — государства трех народов (10), мучеником единства Церквей (11).

Второй святой — отец Максимилиан Кольбе, мученик Освенцима, который добровольно пошел в карцер голодной смерти ради спасения собрата по концлагерю (12).

И вот третий святой — брат Альберт.

Год его канонизации явился и годом важных перемен, происходящих сейчас в Польше. Все о них знают, и потому не стоит их описывать.

Эти существенные перемены являются в то же время (и мы хорошо это чувствуем) великим историческим вызовом, который обращен не к одной только нашей стране. Дорога «солидарности», по которой идет теперь наш народ в поиске суверенности в политическом смысле этого слова, связана с решением более чем трудных задач. И все мы понимаем, что задачи эти не только должны быть поставлены, но ставиться они должны систематически. По своему характеру задачи эти являются социально-экономическими, но по сути они — этические.

Речь идет о том (и об этом я уже говорил), чтобы восстановить понятие общего блага в жизни общества. Согласно социальному учению Католической Церкви, общее благо (именно общее) — это то, что обеспечивает благо каждого члена сообщества. Обеспечивается же оно на основе суверенности, чтобы не страдало достоинство личности. Участвуя в создании общего блага, каждый имеет на него свое право. Категория «общего» здесь (как и категория собственности) распространяется на права каждой личности. Общество суверенно тогда, когда оно уважает эти права в любой из обеих областей.

Что касается экономической сферы, то здесь следовало бы апеллировать к нравственному смыслу солидарности как добродетели.

Солидарность, как об этом сказано в энциклике «*Sollicitudo rei socialis*» (13), — это не какое-то абстрактно-поверхностное сочувствие или жалость в отношении к страдающим от несправедливости людям — ближним или дальним. Нет, солидарность — это мощная и никогда не ослабевающая воля действовать во имя общего блага, или блага всех и каждого, поскольку все мы воистину за всех в ответе (п 38) (14).

В том же духе высказалась и Конференция Епископов Польши, которая 7 октября 1989, нынешнего, года приняла следующее коммюнике: «Служение общему благу требует жертв и самоотречения в условиях, когда возникают социальные, экономические и политические трудности. После стольких лет бесхозяйственности, беспомощности и безответственности невозможно ожидать немедленных результатов. Тут требуется не только время, не только мудрые законы и разумное управление, но и самоотверженность, и серьезная работа всех граждан» (п. 3).

5. Канонизация нашего брата Альберта происходит в трудный, переломный момент. И разве тот, кто, следуя за Христом, помогал людям возрождаться, обретать достоинство и самоощущение личности в деле созидания общего блага для всего общества, не дан нам как некий ориентир и покровитель для преодоления этого сложного переломного периода?

Часто говорят о помощи извне. Да, и она тоже — явление общечеловеческой солидарности, правда, после 1945 года Польше так и не удалось воспользоваться теми программами, с помощью которых возрождались другие страны Западной Европы, пережившие послевоенную разруху.

Но теперь мы можем выйти из кризиса сами, черпая энергию и силы в себе — в каждом из нас и во всех вместе.

Брат Альберт просил подаяния. Он обращался за помощью к имущим ради неимущих. Но прежде всего он учил последних преодолевать себя, возрождаясь с помощью Божией и с опорой на собственные силы (15). И при этом просил подаяния. Он личным примером доказывал, что общее благо — это результат не одной только социальной справедливости, но и бескорыстного милосердия. Я слышал, что в Польше есть люди, которые готовы во имя блага об-

щества пожертвовать чем-то своим. Это говорит о том, что они и в полной мере восприняли харизму святого брата Альберта, и в то же время осознали значимость общего блага. За это я выражаю им свою признательность и сердечную благодарность.

Надеюсь, что Полония всего мира, которая всегда хранит нерушимую связь с родиной предков, должным образом осознает нынешнюю ситуацию и поспешит к нашим соотечественникам с солидарной помощью.

6. С особым чувством я обращаюсь к духовным сынам и дочерям нашего святого: альбертинцам и альбертинкам — к тем, в ком воплощено постоянное присутствие среди нас «серого брата» (16). Я разделяю с ними радость по поводу именно этой даты — 12 ноября 1989 года. В эти дни, почти семьдесят два года назад, их основатель покинул земную юдоль (17).

И радуюсь вместе со всей польской Церковью, со всеми ее епархиями, а вместе с Краковом — особенно.

И радуюсь вместе со всем нашим народом. Желая, чтобы этот святой, который был для всех «добрым, как хлеб», помог всем полякам стать добрыми по отношению друг к другу.

Пусть он будет живым камнем в строительстве цивилизации, которую Павел VI назвал «цивилизацией любви» (18), — и у нас на родине, и повсюду.

Ибо святых Бог всегда дарует всей Церкви.

Комментарии

Речь была произнесена Иоанном Павлом II 12 ноября 1989 г. в Риме, в зале Павла VI.

Перевод текста сделан по изданию: Jan Paweł II Audiencja dla polaków w dniu kanonizacji św. Br. Alberta // Karol Wojtyła o św. Bracie Albercie Chmielowskim. Świadectwo oddania bez reszty. — Kraków, 1990. — S. 109–112.

1. Блаженная Агнесса Пражская (Богемская) была принцессой, дочерью чешского короля Пржемысла I Оттокара и Констанции, приходившейся сестрой венгерскому королю Андрею II. В молодости она воспитывалась в Требнице

(предположительно под опекой св. Ядвиги). Ею был основан в Праге госпиталь и монастырь Ордена Кларисс. Приняв обеты этого Ордена в 1234 г., св. Агнесса сделала его центром религиозного обновления Средней Европы. Скончалась в 1282 г. Официально почитается с 1874 г.

2. При Мешко I (?–992), первом польском короле из династии Пястов, принявшем христианство в 966 г., начала складываться геополитическая и духовная общность поляков и было положено начало строительству соборов и храмов. Кароль Войтыла посвятил Мешко I и другим деятелям польской истории, которые отдали жизнь за веру, поэтический цикл «Станислав».

3. Болеслав Храбрый (967–1025) — польский король, сын Мешко I, при нем начала укрепляться государственность Польши.

4. Адалберт (Войцех) Пражский (ок. 955–997) — епископ, просветитель Пруссии (там он и принял свою мученическую кончину), миссионер. Принадлежал к Ордену Бенедиктинцев. Болеслав Храбрый похоронил его в Гнезно, ставшем своего рода центром польской Церкви. Здесь, на горе Леха, у мощей св. Войцеха, в июне 1979 г. Иоанн Павел II во время первого визита на родину произнес свою знаменитую проповедь об общих корнях славянства.

5. О. Константы Михальский (1879–1947) — философ, священник, католический богослов, историк средневековой философии, проф. Ягеллонского университета в Кракове, один из первых авторов, который рассматривал творчество св. брата Альберта в аспекте его влияния на духовную жизнь Польши. В книге, ему посвященной, приведены генеалогическая таблица, хронология жизни, фотографии, письма, а также список картин Адама Хмелёвского — брата Альберта (Michalski K. Brat Albert. — Kraków, 1946).

6. Пулавы — небольшой городок под Люблином, где при Чарторыхских (конец XVIII — первая треть XIX в.) был центр культуры и литературы Польши. Здесь с 1869 г. находился Институт сельского хозяйства и лесничества.

7. *Отверженных* — в польском тексте «оручлакi», что дословно переводится как «одутловатые», «опухшие», «с отёчными лицами». По экспрессии выражения польскому понятию более всего соответствовало бы наше современное «бомж». Однако в те годы этого слова-понятия еще не существовало.

8. Польша пережила три раздела своей территории между Австрией, Пруссией и Россией (в 1772, 1793 и 1795 гг.), в результате чего прекратила свое существование как самостоятельное государство. Фактически страна обрела государственную независимость 11 ноября 1918 г., когда в Варшаве были разоружены германские войска.

9. Андрей Боболя (1540–1616), беатифицированный в 1853 г., канонизированный в 1938 г., — секретарь Сигизмунта III Вазы (1566–1632) и подкоморий при дворе (отвечающий за имущество и границы владений короля), покровитель иезуитов и друг Петра Скарги (1536–1612) — писателя и богослова, прославившегося своими обличительными проповедями шляхты и двора. Андрей Боболя и Петр Скарга — герои исторической драмы К. Войтылы «Иере-

мия» (1940); примечательно, что брат Анджей (представитель духовенства) в канун Пасхи вручает Петру пальмовую ветвь (в Православной Церкви вместо пальмовых ветвей в день входа Господня в Иерусалим освящается верба) — как знак их будущих страданий за родину.

10. Речь Посполитая (*Res publica* по-латыни) возникла как двуединое — с общим сеймом и королем — государство Польши и Литвы на основании так называемой Люблинской унии (1569). Говоря о государстве трех народов, Иоанн Павел II кроме поляков и литовцев имеет также в виду и белорусов, которые проживали на территории Польши.

11. Андрей Боболя стал жертвой одной из попыток объединения (так называемой Брестской унии 1596 г.) Православной и Католической Церквей на территории Речи Посполитой. Публично казнен противниками этой унии.

12. О. Максимилиан Мария Кольбе (1894–1941) — францисканец, миссионер, основатель отделения францисканского Ордена в Японии. Находясь в Освенциме, он добровольно вызвался пойти в карцер и умереть голодной смертью вместо молодого человека — мужа и отца семейства (Кончковская М. Святой Максимилиан. — М., 1994).

13. Энциклика «*Sollicitudo rei socialis*» («Забота о социальной действительности», 1987) приурочена к двадцатилетию энциклики Павла VI «*Populorum progressio*» («Развитие народов», 1967). В ней нынешний глава Ватикана продолжил богословский анализ одной из главных для современной Католической Церкви мыслей о мире и возможности справедливого социального строя, начатый Львом XIII в его энциклике «*Rerum novarum*» (1891), посвященной социальному учению Церкви.

Иоанн Павел II настаивает, в частности, на том, что оценка общественных явлений должна носить нравственный характер, и в связи с этим уделяет внимание значению общего блага в структуре общества, а также тем специфическим показателям, которые говорят об отставании в развитии, не исключая тем самым необходимости видеть данные явления и в экономических параметрах. Общее благо — тема многих его выступлений, как научное понятие общее благо исследуется им в свете категории «участия» в труде «Личность и поступок». См.: Часть четвертая — «Участие». Раздел VI — «Очерк теории участия». Глава 6 — «Участие и общие блага». Эта энциклика во фрагментах опубликована по-русски (Иоанн Павел II. Из энциклики «Забота о социальной действительности» // Иоанн Павел II. Мысли о земном. — М., 1992. — С. 88–101).

14. «Солидарности», а наряду с ней — и «сопротивлению» как особым социальным позициям К. Войтыла посвятил отдельные главы в труде «Личность и поступок». Там он пишет: «Основываясь на рассуждениях о собственном значении общего блага или о тех отношениях, которые должны быть между участием как свойством личностей и благом общности, необходимо проанализировать некие позиции, имеющие значение для действия и жизнебытия «совместно с другими». Это прежде всего позиции солидарности и сопротивле-

ния. Каждое из этих определений — как «солидарность», так и «сопротивление» — обретает свой собственный смысл на основе какой-то общности действия и бытования посредством своеобразного для них соотношения с общим благом».

15. В Польше получило широкое хождение выражение св. брата Альберта «Госпожа несчастье» (*Pani biada*), которое заключало в себе и большой воспитательный смысл: уметь сносить нищету и другие социальные невзгоды с чувством человеческого достоинства.

16. Служители Ордена Альбертинцев, будучи францисканцами третьего ордена, или терциариями, носили, по примеру францисканцев, серые монашеские одежды — отсюда и название их как «серых братьев». Брат Альберт стал терциарием в 1887 г. (он был первым терциарием в Польше), а монашеский постриг принял в 1888 г. О нем см. также прим. к пьесе «Брат нашего Бога».

17. Брат Альберт скончался 25 декабря 1916 г. — в самое Рождество по католическому календарю.

18. Из заключительной речи Святого года, произнесенной Павлом VI 25 декабря 1975 г. Продолжая традиции своего предшественника, Папа Римский «цивилизацию любви» ставит во главу угла, то есть ратует за построение подлинно человеческого общества как в социально-экономической, так и в общественно-политической его ипостасях — то есть такого общества, которое было бы основано на евангельской заповеди любви, и этого основания никогда не утрачивало, развивая его и упрочивая во всех сферах жизни: не только «внешней», но и «внутренней» — личной, включающей в себя семью и внутренний мир каждой отдельной личности. Этой идеей объединены все его выступления и высказывания (Ks. Czarny J. Jana Pawła II wizja cywilizacji miłości. — Wrocław, 1994).

Перевод и комментарии Е.С. Твердисловой